

3. Шекспир В. Венецианский купец. Акт 3, сцена 1 // Избранные произведения. Перевод И. Б. Мандельштама / ГИХЛ. – М.-Л., 1950.
4. Петров В.И. Безнравственность в отношении к науке недопустима // Биоэтика. № 1(11). 2013. С.5.
5. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 102-118.
6. Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания. – М.: «Навигатор», 2014. – С. 159-173.
7. Bakke M., Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu. – Poznań 2012. – Wydawnictwo Naukowe UAM.
8. Gallagher J. BBC News. Human-pig 'chimera embryos' detailed. URL: <http://www.bbc.com/news/health-38717930>.
9. Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™. Feminism and Technoscience". – N.Y.; L., 1996.
10. Harris J. How to be good. The possibility of moral enhancement. Oxford, 2016.
11. Kovaka K. Biological individuality and scientific practice // Philosophy of Science. – 2015. – Т. 82. – №. 5. – С. 1092-1103.
12. Lawrence D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial intelligence: The Shylock syndrome // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2016. – Т. 25. – №. 2. – С. 250-261.
13. Ma H. et al. Correction of a pathogenic gene mutation in human embryos // Nature. – 2017. – Vol. 548. – №. 7668. – С. 413-419.
14. Miah A. Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. – Routledge, 2004.

References

1. Agamben Dzh. Otkrytoe / Per. s ital. i nem. B.M. Skuratova. – M., 2012.
2. Kozhevnikova M. Gibridy i himery cheloveka i zhivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii. – M.: IFRAN, 2017.
3. Shekspir V. Venecianskij kupec. Akt 3, scena 1 // Izbrannye proizvedeniya. Perevod I. B. Mandel'shtama / GIHL. – M.-L., 1950.
4. Petrov V.I. Beznravstvennost' v otnoshenii k nauke nedopustima // Bioetika. № 1(11). 2013. S.5.
5. Yudin B.G. Granicy chelovecheskogo sushchestva kak prostranstva tekhnologicheskikh vozdeystviy // Voprosy social'noj teorii. – 2011. – Т. 5. – С. 102-118.
6. Yudin B.G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya. – M.: «Navigator», 2014. – С. 159-173.
7. Bakke M., Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu. – Poznań 2012. – Wydawnictwo Naukowe UAM.
8. Gallagher J. BBC News. Human-pig 'chimera embryos' detailed. URL: <http://www.bbc.com/news/health-38717930>.
9. Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™. Feminism and Technoscience". – N.Y.; L., 1996.
10. Harris J. How to be good. The possibility of moral enhancement. Oxford, 2016.
11. Kovaka K. Biological individuality and scientific practice // Philosophy of Science. – 2015. – Т. 82. – №. 5. – С. 1092-1103.
12. Lawrence D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial intelligence: The Shylock syndrome // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2016. – Т. 25. – №. 2. – С. 250-261.
13. Ma H. et al. Correction of a pathogenic gene mutation in human embryos // Nature. – 2017. – Vol. 548. – №. 7668. – С. 413-419.
14. Miah A. Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. – Routledge, 2004.

УДК 172

С огромной благодарностью за то, что Вы были с нами, за Ваши идеи и человечность в жизни и философии (памяти Бориса Григорьевича Юдина)

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ЧЕЛОВЕКА-КАК-ИСПЫТУЕМОГО».

О.В. Попова

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Г. Москва. J-9101980@yandex.ru

В статье рассматриваются этические и антропологические проблемы конструирования человека. На основании идей Б.Г. Юдина рассмотрены типы конструирования, выявлены онтологические предпосылки и представлен лингвистический модус конструирования человека. На примере биоэтического казуса «бревен» рассмотрен процесс превращения человека в человека-как-испытываемого (понятие Б.Г. Юдина) и показано, что биомедицинское исследование с участием людей-испытываемых выглядит как процесс постепенного абстрагирования от человеческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытываемого, как носителя определенного имени, личностных характеристик, физических качеств и т.д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому.

Ключевые слова: конструирование человека, человек-как-испытываемый, улучшение человека, этика.

DESIGN OF HUMAN AS TEST SUBJECT

O.V. Popova

PhD (philosophy), Leading Research Fellow, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Moscow, J-9101980@yandex.ru.

The article discusses ethical and anthropological problems of human design. Based on the ideas suggested by B.G. Yudin, we reviewed a number of types of biotechnological design and described ontological characteristics and linguistic mode of the design process. We used the "logs" bioethical incidence to describe the process of transformation of a person into a test subject (the concept suggested by B.G. Yudin). We found that biomedical investigation involving human subjects seems to be a process of gradual changes in human characteristics. We conclude that researchers regard human subjects as bearers of certain names, personal characteristics, physical qualities, etc. and **equal them** with research objects.

Key words: human design, human as a test subject, human enhancement, ethics of biotechnology, experimentation on human subjects

Развитие исследований проблематики «конструирования человека» в отечественной философской традиции было заложено в работах И.Т. Фролова и впоследствии оказалось связано с творчеством Б.Г. Юдина и во многом именно благодаря ему стало широкоупотребимым в российской философии и биоэтике.

Б.Г. Юдин исследовал феномен конструирования человека в широком социальном контексте и ввел понятие практик конструирования, рассматривая их на примере сравнения традиционных задач образовательной и медицинской деятельности. При этом он отталкивался от присущего любой деятельности измерения нормативности. Так, в отношении медицины речь идет о восстановлении, воссоздании уже бывшего (здоровья), а, например, для сферы образования (воспитания) - о трансформации, изменениях, своего рода конструировании уникального человеческого индивида. Медицина на протяжении своего развития носила реконструктивный характер,

поскольку она была направлена на восстановление человека.

Однако парадокс развития современной медицины состоит в углублении ее ориентации не столько на воссоздание нормы, сколько на проектирование человека [1]. Мы имеем дело с такими достижениями современной биомедицины, которые не только лечат человека, но предоставляют возможность изменения антропологической нормы. Например, уникальны случаи, когда созданные с помощью инновационных технологий протезы позволяют бегать или ходить человеку быстрее, чем он мог это сделать, имея ноги обычного среднестатистического человека и такой человек оказывается способен достичь в спорте результатов, о которых лишь могли бы мечтать другие спортсмены, или операция на глазах позволяет человеку существенно расширить спектр своего зрения.

Таким образом, вектор развития современной медицины может быть направлен не только на исцеление человека, но на его преобразование, модификацию его качеств, его улучшение. Усовершенствование способов применения биотехнологий вызывает не только повышение эффективности лечения, но и появление возможности применения их для профилактики заболеваний (как, например, в случае с генетическими тестами), а затем используется для улучшения человека, то есть усовершенствования отдельных качеств его личности. От простого улучшения человека можно перейти к следующему шагу - его радикальной модификации, то есть созданию «человека с заранее заданными свойствами», формированию условий для появления такого феномена, как дитя проекта (в англ. эквиваленте – «designer baby») [2].

Этот аспект прекрасно раскрыт Б.Г. Юдиным в статье «Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека)» [3]. Здесь рассматриваются онтологические предпосылки конструирования. Так, конструирование будущей личности ребенка становится возможным благодаря активному проникновению в жизненный мир технологического подхода, то есть технологизации восприятия вещей, людей, мира в целом, которая позволяет при наличии некоторой цели (например, создании ребенка, обладающего желательными чертами) и необходимого количества технологических ресурсов, имеющихся в распоряжении профессионалов (например, средствами генетических технологий) добиться ее достижения. При этом сама цель (созданный ребенок) будет восприниматься как произведение, «как некое достаточно произвольно конструируемое и даже реконструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла» [4].

Технологический подход, как подчеркивал Б.Г. Юдин, тесно связан с использованием очень точных сложных систем диагностики, построенных на основе категоризаций, «позволяющих систематизировать и классифицировать огромное разнообразие человеческих индивидов» [4] и впоследствии путем технологических манипуляций, основываясь на данных о качествах и свойствах человеческого индивида, создавать продукт (человека) исходя из мозаичного представления, отталкиваясь от посылки, что он является лишь набором отдельных признаков. Конструктивизм технологического подхода проявляется в особом масштабе восприятия человека, когда созданность человеческого существа начинает фигурировать на различных уровнях его онтологии. Он

оказывается артефактом не только в каждой отдельной черте или целостности биологического организма, но и в личностном плане «каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порожденное, как сконструированное» [4].

Сконструированность человеческого бытия проявляется и на заре его жизни, когда возникает социальная договоренность, конвенция, своего рода социальный конструкт относительно надления живого существа именем человек и перед лицом смерти, когда человек проводит последние минуты своего существования в окружении жизнеподдерживающих аппаратов и может лишиться остатка жизни по конвенциональной договоренности в результате признания его мертвым и их отключения. Таким образом, границы жизни и смерти оказываются сконструированными, интенционально заданными.

Б.Г. Юдин называет новый виток конструирования интенциональным конструированием, «конструктивным конструктивизмом» (в отличие от естественных процессов конструирования социальной реальности, Деятельностная, изменяющая мир установка отражает трансформацию картины мира современного человека: он «все более глубоко погружается в мир искусственного» [5].

Естественное конструирование реальности (например, в процессе создания систем ценностей и представлений) издревле обеспечивало человеку возможность совместного существования, давало опоры для совершения морального выбора и совершения поступков. Однако процесс естественного конструирования социальных конвенций уступает место радикальному технологическому вмешательству в бытие человека, направлен на такую модификацию его личности, которая окажется выгодна заказчику, будет соответствовать новому идеалу человека или норме успешно функционирующей биомашины. Им может быть, как обычный человек, мечтающий, например, иметь ребенка, соответствующего его ожиданиям или государство, желающее иметь дело только с послушными гражданами, и, следовательно, стимулирующее развитие биомедицинских исследований в сторону производства лекарств, обладающих эффектом подавления психических функций личности и т.д.

Особый интерес Б.Г. Юдина был связан с исследованием практик проведения экспериментов на людях. И здесь также был использован «конструктивистский» подход. Б.Г. Юдин сумел очень точно обозначить взаимосвязь практик конструирования и языковой реальности, показав, что человеческое зачастую изымается путем простого акта стирания имени, обезличивания. Условно данную взаимосвязь можно назвать лингвистическим модулом конструирования.

Сегодня на повестке дня в свете развития тенденций конструирования стоит проблема появления «постчеловека», «трансчеловека», «человека-аватара». Это новые человеческие имена, отражающие усиление процессов технологизации современной жизни, вторжение техники в интимные механизмы человеческой жизнедеятельности, позволяющее манипулировать человеческой телесностью и инструментализировать человека в целях технического прогресса подобно инструментализации техники в человеческих целях.

Стоит отметить, что данная практика уходит в глубь истории. Эксперименты по модификации человеческой природы, созданию человека с

заданными свойствами, редактированию его генома и в целом созданию улучшенного человека могут рассматриваться как часть общего исторического тренда по экспериментированию на человеке вообще, в рамках которого в прагматическом биополитическом пространстве начинают вычленяться различные категории человеческих существ, которых могут отодвигать то в сторону животного мира, то к границе мира вещественного, и, маркируя в мыслительном пространстве в качестве ненормальных, не- человек, в любой момент могут превратить в «человека-как-испытуемого» (понятие Б.Г. Юдина).

Конструирование человека-как-испытуемого

Процесс искоренения имени «человек» - явление общечеловеческое. Человек стремится освободиться от некоторого балласта человекообразной семантики, которая может усложнять ему жизнь с моральной точки зрения, заставляя делать сложный выбор между теми или иными формами поведения, зачастую несущими дискомфорт от осознания того, что ты имеешь дело с человеком, а не с вещью.

Одна из границ человеческого - нечеловеческого проходит благодаря проводимой линии между своими и чужими, между мной и Другими. Круг Других - явление непостоянное. Можно предположить, что в сознании человека он сужается по мере расширения и гуманизации самого сознания. Граница Иного, Другого может изначально выстраиваться через мое тело.

Тело является не только тем, что связывает или отделяет меня от Иного, Другого, чем является мир, но оно также становится той точкой отсчета, той нормой, по которой, выверяется мир Других. Телесно Другие далеко не всегда способны стать своими, более того, они могут быть отвергнуты на периферию сознания как вообще не - люди, как те, кто не соответствуют моему внутреннему видению нормы. Они становятся Чужими Другими - теми, кто в отличие от просто Других никогда не будет способен конституировать мое сознание, поскольку они будут вынесены за скобки человеческого мира, либо будут его конституировать негативным образом, и полагание моей собственной самости будет строиться исключительно через негацию по отношению к Чужому Другому. Другой – это тот, кто присутствует внутри нас. Это лицо, это взгляд, который накладывает отпечаток на все наше существование, он и формирует нас, и приводит к осознанию того, что мы из себя представляем. Другой делает нас самими собой, постольку, поскольку без Другого мы предстаем как недооформленные, неузнанные вещи. Однако несмотря на весь положительный ореол Другого, приходится признать, что сужение круга Других до близких (по национальному, гендерному, родственному и др. признакам) приводит к санкционированию действий, оправдывающих насилие по отношению к Чужим Другим, которые уже не воспринимаются как человеческие существа и которые никак не могут конституировать мое сознание, поскольку являются для меня некоторой данностью, не влияющей на мое личностное становление, не интересных мне или даже представляющих для меня угрозу.

История хранит огромное количество негативных прецедентов отношения к Другим, и человек всегда находит идеологическое основание собственным действиям, выстраивает их в соответствии с собственным пониманием блага и

ценностями той социальной среды, в которой он был вынужден оказаться.

Процесс исключения человека из человеческого сообщества не локализован в той или иной точке земного шара, его характер - общечеловеческий. Мне хотелось развернуть данный тезис на основе биотехнологической истории, вошедшей в современную биоэтику в качестве казуса «бревен», казуса, который также активно использовал в своем творчестве Б.Г. Юдин.

Речь идет об испытуемых для проверки действия бактериологического оружия, разрабатываемого во время Второй мировой войны японским отрядом Квантунской армии «731». С целью получения научных данных медицинского характера над ними проводились бесчеловечные опыты: им «прививали бактерии чумы, холеры, тифа, дизентерии, спирохеты, сифилиса и другие культуры живых бактерий...» Велись также эксперименты по обморожению, заражению газовой гангреной, проводились расстрелы в опытных целях [6]. Общее представление о зверском характере этих опытов может быть получено на основе описания «выставочной комнаты» хозяйственного управления отряда из работы М. Сэйити «Кухня дьявола»: «На полках, расположенных в два или три ряда вдоль стен, стояли наполненные формалином стеклянные сосуды диаметром 45 и высотой 60 сантиметров. В формалиновом растворе находились человеческие головы. Отделенные от шеи, с открытыми или закрытыми глазами, с колыхающимися волосами, они тихо покачивались в стеклянном сосуде.

Головы с раздробленным, как гранатовый плод, лицом. Головы, разрубленные на две части от темени до уха. Головы распиленные, с обнажившимся мозгом. Головы с разложившимся лицом, на котором невозможно распознать ни глаз, ни носа, ни рта. Головы с широко открытым ртом, с красными, синими, черными пятнами на коже. Китайцы, монголы, русские...» [6].

«Бревна» лишались имен, им присваивались трехзначные номера и они распределялись по группам в качестве материала для опытов, члены отряда не допускали и мысли о человеческом статусе своих подопытных, они представляли значительную ценность в качестве объектов различных экспериментов, но, в случае их дальнейшей непригодности, по отношению к ним применялось «прореживание». От подопытных «бревен» могли родиться только подопытные «бревна», не давая «бревнам» ни права на человеческую жизнь, ни права на достойную смерть. Отнимая у «бревен» минимальную возможность распоряжения собственным телом, их в извращенной гротескной форме наделяли правом собственности: на карточку с номером и на печь для сжигания трупов.

Никто не интересовался прошлым людей - «бревен»; как только они переступали порог отряда, они теряли право свидетельствовать о себе и иметь автобиографию, хотя, как отмечает М. Сэйити, «В жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они все же были людьми, у которых был язык и которые должны были говорить» [6]. Бревнам оставалось лишь право свидетельствовать немой своей тел, собранных в выставочной комнате: «Головы людей разных рас, мужчин и женщин, старых и молодых, смотрели из коричневатого формалинового раствора на вошедшего в комнату и обращались к нему с немой вопросом: «Почему мы здесь?»» [6].

Все испытуемые отряда «731» были уничтожены. В основном все, что мы знаем о людях-бревнах, стало известным из текстов-протоколов, проходивших после Второй мировой войны процессов над военными преступниками (в частности, Токийского и Харбинского процессов), а также из документальных (в том числе в достаточно широко распространенных в наше время в ресурсах Интернета) откровенных свидетельств членов отряда «731» о характере проводимых исследований, причинах личной вовлеченности в события тех лет и попытке осмыслить эти события сегодня.

Бревен-свидетелей нет. Их лишили права голоса, отодвинув их бытие за пределы нормы человеческого. Люди-бревна свидетельствуют чужими голосами и текстами – историческими документами, целью которых в той или иной степени является обнаружение пробелов в человечности и протоколирование процесса исключения части людей из человеческого сообщества. В этой связи примечательно следующее высказывание одного из врачей отряда «731»: «Мы считали, что «бревна» – не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал «бревнам». Все: и военнослужащие, и вольнонаемные отряда – считали, что истребление «бревен» – дело совершенно естественное» [6].

Процесс исключения Других, ненормальных, как видно из контекста этой истории, характеризуется общим консенсусом членов отряда относительно того, кто достоин быть человеком, и кто должен быть исключен из сообщества людей, вообще из сообщества любых живых существ, которые могут быть достойны сострадания. Присвоение номерных знаков и общая кличка для заключенных – «бревна» – для членов сообщества становятся дополнительной гарантией обеспечения собственной психологической безопасности и моральной оправданности своих действий. Понятия «бревна» и понятие «враги» отождествляются и более того лишаются антропологического измерения. Процесс исключения Других (бревен) поддерживался более широкой общностью (государством, этносом и т.д.) на протяжении длительного времени. Он, как правило, рассматривается в контексте следования собственным национальным интересам и требования их соблюдения в политических отношениях: именно этот фактор стал причиной того, что многие исследователи, работавшие в отряде, стали японскими выдающимися учеными и продолжали работать в области медицины, «набив руку» на опытах над сотнями живых людей» [6] более того, данные, полученные в ходе зверских испытаний на живых людях, впоследствии использовались в политических целях других государств («Отдел «Джи-2»...включил многих бывших руководителей «отряда 731», начиная с Исии, в состав особого отряда армии США. Этот отряд располагался в Токио... [6]).

Б.Г. Юдин, отталкиваясь от проблемы преодоления жесткой дихотомии биологического и социального, что в приложении к человеческому существованию сводится к попыткам определения человека либо через природу, либо через надприродное и пытаясь найти точки сближения этих подходов, опирается на пример использования марута-технологий, то есть именования людей-испытуемых «бревнами» (по-японски «марута») во время Второй мировой войны [7]. Марута являются примером конструирования из надприродного в природное и

далее – из природного-в вещное. Их особый промежуточный онтологический статус был задан требованиями проведения биомедицинского эксперимента.

Биомедицинское исследование с участием людей-испытуемых выглядит как процесс постепенного абстрагирования от человеческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытуемого, как носителя определенного имени, личностных характеристик, физических качеств и т.д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому: «человек вообще и человек-как-испытуемый – это далеко не одно и то же» [7].

Важным условием применения марута-технологий является четкое различие между «мы» и «они». Как отмечает Б.Г. Юдин, «"Мы" – это те, кто проводит эксперименты наряду с теми, кого экспериментаторы относят к той же самой категории. "Они" принадлежат к другой категории и могут в какой-то мере рассматриваться как "нечеловеки"» [8]. Кроме того, применение марута-технологий востребовано именно военным временем: здесь действуют другие законы человеческого поведения, другая мораль, направленная на отчетливое выделение своих и чужих, на пренебрежение правами других, элиминацию их из круга себе подобных. «Подлинно уникальным и заслуживающим оценки в качестве некоторого социально-психологического изобретения является применение для обозначения испытуемых уже упоминавшейся категории «марута». Здесь мы имеем поразительный пример социального конструирования. Благодаря этому изобретению перед японскими исследователями предстали новые существа, новые объекты. Они обладали некоторыми общими свойствами с людьми, но не воспринимались как люди в подлинном смысле слова, они были не совсем людьми» [9]. Марута-технология является показательной для проведения биомедицинских манипуляций (экспериментов) над людьми: только сконструированное в сознании представление об испытуемом («бревне») как о неодушевленном материале дает право применять к нему весь комплекс научных методов для достижения поставленной цели. Увидеть в «бревнах» людей значит вызвать сбой в проведении эксперимента. Поэтому научные результаты находились в прямой зависимости от моральной индифферентности, от равнодушия ученого, от способности абстрагироваться от личностного в человеке и увидеть в нем вещь, объект, артефакт.

Еще раз обращу внимание на то, что «бревна», в сознании членов отряда, входили скорее в царство растений, предметное поле, мир вещей и артефактов, а не в класс живых существ, и тем более сообщество людей. Они лишались минимального права голоса, более того, их и потенциально не рассматривали в качестве тех, кто мог бы при других условиях обладать этим правом. Они были признаны в коллективном сознании отряда «731» немymi вещами еще до наступления насильственной смерти.

Тем неожиданной воспринималось членами отряда любое нестандартное поведение, не вписывающееся в каноны функционирования вещи. Между тем, отстаивание права на голос и сопротивление заключенных являются одной из героических страниц в «черной» истории отряда «731». Один из тюремных бунтов, в результате которого из камер смогли вырваться безоружные заключенные, а перед японцами выступил с гневной речью русский, закончился трагично: кого-то застрелили в упор, кого-

то отравили ядовитым газом. При этом принципиально важно то видение, которое имели японцы о самом бунте. Для них он носил ирреальный характер, сама ситуация казалась неправдоподобной и невозможной: сродни бунту животных или растений. Однако сама сила этого бунта и кажущаяся алогичность ситуации вызвали своего рода метаною, поворачивание вспять всего рационального хода рассуждений, правда, через долгие годы после случившегося. Обращусь к тексту М. Сэйити: «Вот что вспоминает бывший тогда на месте события служащий отряда: «Когда думаешь об этом теперь, становится ясно, что голос русского был криком души, у которой отняли свободу... Но тогда я не мог правильно понять его гнев. «Бревен» мы людьми не считали. Так как же можно было спокойно отнестись к тому, что они взбунтовались?» [6].

После бунта «бревна» были уничтожены, однако они уже уничтожались не в качестве всего лишь материала для экспериментов, но как «опасные заключенные, поднявшие бунт». Им поневоле поднимали их онтологический статус, переводя из разряда растений и вещей. Более того, они перестали быть «бревнами» еще и постольку, поскольку усваивали логику насилия, логику «прямого действия», которая в сознании сотрудников отряда, очевидно, рождала коннотации, связанные с человеческим миром, с их собственным миром.

«Бревна» представляли пример биополитического производства людей-машин. Их появление было задано рациональным планированием, подобным планированию в рамках производственного цикла по созданию артефакта. На выходе обретенное нечто похожее на биологическую машину. Машина - это то, что не имеет своей персональной истории, она не может быть инициатором действия, не имеет интенций, сознания и воли. Она призвана исполнять волю хозяина.

Феномен «бревен» демонстрируют страшный социальный эксперимент над людьми: формируя их в качестве выгодного власти артефакта, их вынуждают сбрасывать все социальные маски, доводя до состояния чистого листа. Снять с себя слой культуры, то есть тот налет артефактности, который стал их второй природой, означало отказаться от себя самого, стать одной из вещей этого мира, которой могли присвоить номер. Само порождение нового типа человека, лишася всего человеческого и прежде всего голоса, опиралось на простую идею о том, что труд является проклятием и задачей самого человека является такая механизация труда, которая максимально устранил его участие. Поэтому производство людей-машин, людей-биороботов можно представить как воплощение чаяний о собственном могуществе, выражающихся в перекладывании работы на плечи Чужого Другого за неимением Другого как механизма. Механизмом принуждают стать человека и его человеческий потенциал оказывается востребован в той мере, в какой он является нечеловеческим, противоречащим его личным замыслам, его природе, но соответствующим идеям конструкторов.

Искажающее имя «человек» ярлык-термин «бревна», одновременно обнажает особый характер власти, благодаря которому он мог возникнуть и закрепиться: ее направленность на стимулирование функционально выгодного выживания. Этот вид выживания характеризуется такими прагматическими эффектами, как получение необходимых научных данных, производственных результатов или использование тел в качестве источника органов.

Заключение. К этике чистого листа

Человек мыслим как некий текст и как текст он наделен тем или иным форматом содержания, который исключает все, что видится неприемлемым (неприятным) и ненормальным.

Однако закономерен следующий вопрос: почему бы не начать с этики человека как чистого листа?

Говоря об этике человека как чистого листа, я подразумеваю прежде всего такой аспект понимания человека, который закрепляет за ним право не приписывать ему определенные характеристики, не рассматривать его в контексте предложенных культурой схем (текстов) понимания человека. Список понятий, связанных с человеком, чрезвычайно обширен: одни из них описывают свойственные ему телесные процессы, другие - его духовную жизнь, его глубинную вписанность в контекст культуры. При этом достаточно сложно отделить чистую (природную) телесность от телесности как продукта культуры, от тела как текста, тела как произведения. Человеческое тело определено культурой и невозможно без нее. Однако верно и обратное: культура и этика, как ее квинтэссенция, невозможны, немыслимы без «разговора о теле». Современная этика не способна обойти молчанием тот факт, что человеку дано тело и она имеет дело с человеком как воплощенным существом, существом, укорененном в своем страдающем теле.

Прецеденты формирования различных онтологий людей-артефактов, людей-как-испытываемых, которым присваиваются те или иные имена, например, такие, как «бревна», стали неотъемлемой частью истории современной биоэтики, интенции которой направлены на формирование такого подхода к человеку, который бы основывался на уважении его «телесных прав», его целостности и неприкосновенности его тела. Даже если онтология такого человека описывается лишь в рамках семантики, связанной с физическим измерением бытия, но и оно - человеческое измерение физического - должно обосновывать этику, заставляющую уважать права телесности другого существа.

Любая модель этики имеет дело с некоторыми константными антропологическими характеристиками, например, такими, как разум, дееспособность, автономия. Их наличие является свидетельством непрекращающегося исторического процесса осмысления человеком своего бытия и закрепления своей онтологической ниши. Данный процесс осуществляется посредством действия механизмов публичного обсуждения и кристаллизации его результатов в дискурсе. Речь о человеке становится источником действий по отношению к человеку. Человек в различных дискурсах, в том числе в этических, как правило, репрезентирован как некая абстракция, то есть как результат чьих-либо притязаний, выстраивающих, достраивающих человека в соответствии с идеалом общественного-политического, экономического, культурного и т.д. развития. В процессе подобной «нормализации» в общественно-политическом процессе из категории «человек» вычлениваются категории сверхчеловека и недочеловека. Концепт «человек» не является семантически устойчивым, это не некая очевидная данность, но неизменно остается незавершающийся процесс лингвистического конструирования сферы человеческого-нечеловеческого.

Человек и представлен себе, и скрываем от себя самого посредством языка, который порождает и хранит различные репрезентации человека и различные оценочные маркеры (как недочеловеческого, сверхчеловеческого, постчеловеческого).

В процессе конкуренции друг с другом различные дискурсы претендуют на изменение социальной ситуации, изменение формата представлений о человеке. Просто человек - это утопия, место ему нет ни в повседневной жизни, ни в этической рефлексии, неизменно отказывающейся от простоты человека, соотнося его существование с такими категориями, как автономия, человеческое достоинство, благая жизнь, совесть и т.д., и т.п.

Вместе с тем в современной ситуации, в особенности в контексте поднятой проблемы биополитического производства недочеловеческого особенно актуальными являются идеи этики ненасилия, направленной не только на урегулирование отношений между автономными дееспособными человеческими существами, но и между всеми теми, кому по каким-то критериям было отказано в праве считаться «нормальными» людьми, просто быть людьми.

Как показано выше, акцент на тех или иных аспектах сущности человеческого бытия всегда вызывает импульс к смещению и проведению новых антропологических границ, а значит и к появлению пропускных пунктов в область «истинно человеческого» на страже которой будут исполнять свои временные обязанности, рекрутированные чьи-то политическими амбициями те или иные моральные добродетели и избранные ценности.

Литература

1. Петров В.И. Безнравственность в отношении к науке недопустима // Биоэтика. № 1(11). 2013. С.5.
2. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 13.
3. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 17.
4. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины, № 5. 2006. С. 7-19.
5. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины, № 5. 2006. С. 17.
6. Юдин Б.Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 27.
7. Сэйити, М. Кухня дьявола - http://www.gramotey.com/?open_file=1269091784
8. Юдин Б.Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. С. 37.
9. Юдин Б.Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. С. 42-43.
10. Юдин Б.Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. С. 43.

References

1. Petrov V.I. Beznpravstvennost' v otnoshenii k nauke nedopustima // Bioetika. № 1(11). 2013. S.5.
2. YUdin B.G. Medicina i konstruirovaniye cheloveka // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 1. S. 13.
3. YUdin B.G. Medicina i konstruirovaniye cheloveka // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 1. S. 17.
4. YUdin B.G. CHtob skazku sdelat' byl'yu? (Konstruirovaniye cheloveka) // Byulleten' sibirskoj mediciny, № 5. 2006. S. 7-19.
5. YUdin B.G. CHtob skazku sdelat' byl'yu? (Konstruirovaniye cheloveka) // Byulleten' sibirskoj mediciny, № 5. 2006. S. 17.
6. YUdin B.G. Tochka zreniya iskusstvennogo // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya. M.: Izdatel'skiy dom «Navigator», 2014. S. 27.
7. Sehjiti, M. Kuhnya d'yavola - http://www.gramotey.com/?open_file=1269091784

8. YUdin B.G. Nauchnoye poznanie cheloveka i cennosti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. S. 37.
9. YUdin B.G. Nauchnoye poznanie cheloveka i cennosti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. S. 42-43.
10. YUdin B.G. Nauchnoye poznanie cheloveka i cennosti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. S. 43.

УДК 172

С глубоким уважением, работа посвящается памяти одного из ведущих российских ученых, Бориса Григорьевича Юдина

СУБКУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К ВОЗМОЖНОСТЯМ «УЛУЧШЕНИЯ» ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В.А. Лапшин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», г. Москва. Socrab@inbox.ru/

В статье в социально-философском ключе исследуется взаимосвязь техногенных и культурных изменений ведущих к процессам улучшения человеческого тела и способность общества адаптироваться к этим процессам. Молодежь в статье рассматривается как один из источников социокультурных изменений, а также как часть общества, обладающая наиболее адаптивными свойствами. Делается вывод о том, что в условиях строящегося информационного общества, молодежь, через построение социальных практик и субкультур способна выстроить эффективные адаптационные модели. Рассматриваются адаптационные и социокультурные функции молодежных субкультур.

Ключевые слова: человек, человеческий потенциал, био-модификации, улучшение человека, молодежь, субкультуры.

SUBCULTURES AS A FORM OF SOCIAL ADAPTATION TO THE POSSIBILITIES OF HUMAN ENHANCEMENT WITHIN THE INFORMATION SOCIETY

V.A. Lapshin

PhD (philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow Humanitarian University, Moscow, Socrab@inbox.ru

We take a socio-philosophical approach to explore the relationship between technogenic and cultural changes resulting in improvements in the human body and to describe the ability of society to adapt to these changes. We define young people as one of the sources of sociocultural changes and they also represent the most adaptive part of the society. We conclude that within the information society young people can build effective adaptation models through the mechanism of social practices and subcultures. The article reviews adaptation and socio-cultural functions of youth subcultures.

Keywords: human, human potential, bio-modifications, human enhancement, youth, subcultures

В рамках нарастающих темпов техногенных и социокультурных изменений перед человеком все чаще ставится вопрос о его способности к эффективной адаптации к ним. Как отмечает проф. д.ф.н. Б.Г. Юдин, становятся все более востребованными технологии и практики, направленные на улучшение как физических, так психических, интеллектуальных, ценностных характеристик человека. Формирующиеся информационное общество, как отмечается исследователями, уже не позволяет основываться на только традиционных формах передачи знаний, умений, навыков, моделей социального поведения. Постоянное увеличение объемов доступной информации, трансформации каналов их получения